

Одна беда с Макаревичем и Ротару

«Яся и Янину» постигла беда почти всех фильмов, где вместо сюжета эксплуатируется знакомое лицо: если не провал, то что-то слабенькое. «Песняры» через это прошли несколько раз, да ещё и в разных жанрах, и София Ротару имела такой опыт, и «Машина времени». С Пугачёвой практически то же самое, но она вытягивала «Женщину, которая поёт» своей артистичностью, органичной игрой. Так что с такими картинками на глубокий след в кинематографе нельзя рассчитывать, зато количеству показов, наверное, «Война и мир» позавидует. Причём «Яся и Янину» до сих пор по белорусским каналам даже без привязки к датам включают (и раньше крутили по белорусской «кнопке» до изнеможения). Сколько раз я ни попадал на этот, как, собственно, и почти на все другие фильмы, где снимался ансамбль, меня такое кино не пробивало. Разве что со временем появился ностальгический интерес — вроде как к архивному видео.

«СМОТРЕЛ ФИЛЬМ С “ПЕСНЯРАМИ” ПО ТЕЛЕКУ — ОТОРВАТЬСЯ НЕ МОГ!»

Но если для меня сегодня многое у Цветкова выглядит архаично, то отношение людей разных возрастов со стороны до сих пор такое: «Вчера смотрел фильм с “Песнярами” по телеку — оторваться не мог!» Значит, ставка партийных функционеров, которые увековечили на большом экране «правильные» ВИА на примере «Песняров», всё-таки сработала — «выстрелила» в будущее. Или фильм «Эта весёлая планета», который до появления «Иронии судьбы» много лет показывали 31 декабря в лучшее время. Значит, песня «Наши любимые» гарантированно подхватывалась зрителями за праздничным столом. Не зря она и в «Белорусских песнях», что называется, пошла с первых дней: абсолютно узнаваемая вещь. Причём покажешь свою аранжировку «Любимых» — свежо для зрителя, покажешь старую — плачут, ностальгия. Да и у меня самого то же самое, собственно.

Так что за счёт более-менее частого напоминания в телеэфире понемногу поддерживается популярность ещё того самого ансамбля. «Белорусских песняров» по касательной это тоже затрагивает в положительном ключе: «свидетельствуем о наличии присутствия». Как мне кажется, уже под новым названием, но с известными лицами и свежими силами ансамбль вернул себе место в эфире. И телевизионщики вроде бы по-прежнему относятся уважительно. Хотя, конечно, с Володей Мулявиным (без его, пускай и незримого, участия никакой коллектив, имеющий отношение к «Песнярам», не представишь) дорога на телеэкраны, в том узком сегменте, куда

для артистов нашего поколения остались открыты двери, оказалась бы короче. И я до сих пор уверен: пойдя мы вместе по выбранному «Белорусскими песнярами» пути, все были бы довольны и творчески, и материально.

НОВЫЙ «СОК» НЕ ВЫШЕЛ

«Роман» с кино у «Песняров» начался ещё до «Яся и Янины». Правда, в основном закадровый. Но для нас поначалу главным было участие, хотелось попробовать себя во всём, так что хватались не выбирая. А задирай «Песняры» нос повыше — несколько киноповестей «Беларусьфильма» вышли бы в тираж без нашего участия в принципе. Вот только режиссёрам, конечно же, было очевидно: популярнейший ансамбль вытянет и прикроет слабые стороны фильмов. В конце концов, все помнили недавний успех «Берёзового сока» (вряд ли фильма, где он прозвучал) и хотели его повторить, если не переплюнуть. По тому же сценарию на вступительных титрах к «Воскресной ночи» Виктора Турова звучит песня Олега Янченко на стихи Николая Рубцова. Её поёт Володя Мулявин — без ансамбля, зато с мощной хоровой поддержкой. (По-моему, даже на репетициях она у нас не звучала: наверняка Олег просто договорился с Вовой.) Неплохая вещь, с одной стороны, наверное, она настраивала как-то на сюжет. А с другой — мелодия красивая, но не без надуманности, слишком сложная для фоновой песни (музыка у Янченко даже на эстраде тяготела к камерной, симфонической), разве что припев более-менее запоминается. В общем, новый «Сок» не вышел.

«КАКИЕ ЭТО “УЛИЦЫ НАЗЫВАЮТ НАШИМИ ИМЕНАМИ”?»

Но даже при таком прагматичном отношении к музыкальным произведениям родилось несколько интересных песен. К примеру, о фильме Игоря Добролюбова «Улица без конца» могу вспомнить только одно: действие развивалось в строившемся в начале 1970-х городе белорусских нефтяников Новополоцке. Зато у нас там такая классная песня Володи Мулявина на стихи Валеры Яшкина «Улицы без конца», почти одноимённая с фильмом! Налицо — наше движение вперёд, вещь с общественным звучанием, с красивой запоминающейся мелодией, блестящей мулявинской распевкой «во всю глотку». Ну клёво! Вот только мы к ней больше никогда не обращались. Поскольку тут соло Мулявина, наверное, решение не петь эту вещь исходило от него. Значит, он не был уверен, что это беспроигрышный вариант для ансамбля. Да и на концертах сразу возникли бы вопросы: «Какие это “улицы называют нашими именами”? Ваши, что ли? А не зарвались ли вы, ребятки?» Слишком привлекает внимание эта фраза, ассоциации неправильные вызывает. (Хотя

жизнь оказалась мудрее, чем наши критики и наши собственные сомнения: в Минске появился бульвар Мулявина спустя почти полвека, а теперь там ещё и памятник Песняру!) Не будешь же каждый раз ссылаться на не самый известный фильм про «первопроходцев» Новополоцка! (Точно так же песенку из мультфильма «Квака-задавака» не исполняли, чтобы не долдонить, мол, «весёлые, зелёные, лупатые» — это о лягушатах.) И к знаменитым «Журавлям» больше не возвращались (для фильма их спел Лёня Борткевич): и в аранжировке ничем не отметились, а уж после Марка Бернеса что-то новое показать в вокале да ещё на том же уровне органики практически невозможно. Тут сразу напрашивается параллель с «Тёмной ночью». Но как раз там перелопатили и аранжировку, и пение.

Музыку к фильму — за ночь

А, скажем, в фильм «Раскиданное гнездо» по пьесе Янки Купалы «Песняры» попали внезапно. Режиссёр Борис Луценко и композитор Сергей Кортес примчались в Свердловск, где «Песняры» зарядились на пару недель по три концерта подряд. В самый разгар работы они буквально вцепились в Володю Мулявина: вот ноты, вот слова — только давайте сделаем поскорее. Тот согласился, и мы, охреневшие от выступлений, за ночь записали эту дорожку. Причём условий никаких: прямо со сцены, в полутёмном зале, без нормальной аппаратуры, вместо оркестра — мини-«муг» Вовы Николаева. А поняли, почему так «горело», когда через пару месяцев где-то в Сибири увидели афишу фильма. Значит, всё уже было отснято, только музыки и не хватало. Ну а что получилось в спешке? Хитрая музыка, но чистой воды киношная, где яркая мелодия не обязательна. Короче, звуковая иллюстрация к картинке. Но никакой фальши: закрой глаза и рисуй себе, что хочешь. И стихи мрачноватые, в настроение фильма, способствовали. С характерным вокалом Мулявина получилась заглавная тема «А хто там ідзе?», очень хорошая акапельная вещь «На Купалле». Вообще, на Володе в этой записи всё и держится. А тема ему как раз близкая: он только что из двух купаловских вещей вынырнул — «Песні пра Долю» и «Гусяра».

Как я Володю не предал

На волне популярности ансамбля было бы странно выползть на сцену без такого яркого лидера, как Вова Мулявин. Жди стопроцентный провал! Помню, как мы дёргались, когда Володя однажды уехал с месячных гастролей по Узбекистану из-за очередного приступа почечных колик. А в родном Оренбурге я вообще ждал, что «Песняров» без Мулявина со сцены выгонят. Тогда всё обошлось, а вот в нью-йоркском русском ресторане «Распутин», куда мы

попали после выступления в ООН, чуть не обломилась «халтура»: Володя не хотел играть в кабаке после «служения большой сцене», а нас там встретили высокомерно, мол, кто вы такие без лидера. Ну и цену, наверное, сбивали таким образом. Правда, в конце мы всё-таки сорвали аплодисменты и получили по сотке баксов в руку — бешеные деньги в то время. Но это уже конец перестройки и начало 1990-х.

Впервые нас заставили выступать без Мулявина в самое золотое время «Песняров». Наверное, никто не придавал бы случаю особого значения, если бы он не сопровождался «серьёзным разговором» в кабинете у тогда уже начальника отдела в Министерстве культуры БССР Колондёнка — бывшего директора филармонии. Вызвали туда только меня — видимо, как ответственного за дисциплину: ну, думаю, сейчас за отсутствие Мули получу. (Володя не сильно спешил домой с гастролей: у него с Лидой Кармальской дело шло к разводу, и как раз дней на десять до новых концертов он завис в Минеральных Водах.) Но Колондёнков стал объяснять, что ансамблю кровь из носу надо ехать в Лиду. Хотя острой необходимости в концерте никакой: «Песняры» уже стали золотой жилой для филармонии и зарабатывали, ясное дело, не на гастролях по республике). Главной целью Колондёнка было прозондировать почву для смены руководителя «Песняров» (и в рамках этого провести пробные концерты без Володи). Завёл он речь об образованных, музыкально грамотных людях («Что говорить, Мулявин, конечно, недоучка...»). И назвал имя Валентина Бадьярова. «А что, — продолжал он нагружать меня информацией, — Валентин — выпускник консерватории, с ансамблем знаком ещё со времён Конкурса артистов эстрады, музыкант отличный. Как вы считаете, можно ли ему доверить “Песняров”?» Я отвечаю, что об этом и думать нельзя: наш руководитель — Мулявин. Но с «ковра» меня отпустили с многозначительным: «Вы подумайте, обсудите с ребятами...»

Я никому и словом не обмолвился. Вместо этого сел на телефон, разыскал Мулявина в Минеральных Водах и рассказал ему о заговоре против него в Минске. Но в Лиду пришлось ехать, правда, с ансамблем отправили в качестве «смотрящего» художественного руководителя филармонии Василия Сербина (он когда-то сменил Игоря Раевского в окружном ансамбле песни и пляски, откуда вышел Мулявин). После первого же концерта Сербин принялся восхищаться за кулисами: прекрасно, великолепно, даже незаметно, что кто-то отсутствует. Все с недоумением на него смотрят: я же никому ничего не говорил. Так прошло ещё несколько концертов, пока не приехал Мулявин: конечно, по уши в семейных проблемах, но с бородой и с шикарной аранжировкой песни «Спадчына» Игоря Лученка. Какой там новый руководитель! Я, кстати, подозреваю, что эта идея

исходила именно из Министерства культуры БССР и целью своей имела приструнить строптивых «песняров»: конфликты с чиновниками вспыхивали тогда на каждом шагу! Ну а сам Бадьяров говорит, что ему такого предложения не делали...

Фильм о «Песнях» в Минске смотрел Дюк Эллингтон

Я попал на концерт Дюка Эллингтона в Минске в сентябре 1971-го. Мой джазовый кумир, да ещё едва ли не первый гастролёр с мировым именем в Минске! Был он тут неделю, так что в столицу БССР съезжались послушать легенду со всех западных городов Союза. Где-то видел фото с одного из концертов, на котором трибуны Дворца спорта пустые, зато в партере — столпотворение. Так было и на «моём» концерте. Дополнительную аппаратуру не заказали, а звука из стоявших там слабеньких колонок хватило на первые ряды. Помню, как через «биток» я почти до сцены добрался, пока наконец звуковая картина не проявилась. Кстати, в Минске артист попросил познакомить его с культурой города. Среди прочего в бывшем архиерейском домике, который относился к филармонии, Эллингтону показали музыкальный фильм «Песняры» режиссёра Володи Орлова. С его слов знаю, что джазмен посмотрел ленту полностью, но отзыва не оставил. Наверное, так и не понял, почему именно это кино ему подсунули: ни музыкой, ни картинкой удивить американца оно не могло. Сегодня-то каждому ясно: снято лет сто назад, мы на камеру работать не умеем... И всё-таки нам эта работа Орлова ещё как ко времени пришлась! Режиссёр всё пробил по инстанциям, сумел затащить нас в павильон через пару месяцев после конкурса в Москве — на самом острие. (Да после записи пластинки хватало наработок помимо известных вещей.) Наверное, под эту марку и московскую звезду, Льва Дурова, режиссёр перехватил с какой-то площадки — не каждому такое счастье улыбнётся, тем более в телефильме. Кстати, актёр и человек Дуров удивительный! А рассказчик какой! Как-то в отпуске в Ялте мы с Толей Щёлоковым кайфовали на одном пляже с ним и Василием Лановым. Они всех отдыхающих собирали вокруг себя: Дуров с утра до вечера травил байки из жизни московских актёров, городские истории — готовые сценарии, рассказы, ни одного повтора! И какие — живот от хохота надорвёшь!

«Червоны гитары» нас подставили

За артистами «Песняров», конечно же, и в КГБ присматривали. Мой знакомый имел доступ к такой информации и после распада СССР дал полистать увесистое дело. Там на участников ансамбля всякого хватало — и от сотрудников милиции, и по линии госбезопасности... Ну, например, всем известно, что Лёня Борткевич

помогал участникам «Червоных гитар» покупать цветные советские телевизоры. Я тогда ещё недоумевал: неужели это такой уж дефицит в Польше? Зачем они купили столько наших телеков? Но и сам Лёня, наверное, не был в курсе, что музыканты добавили в конструкцию огромных ящиков... древние белорусские иконы. Об этом заговорили недавно. Вывезли или нет эти ценности — не знаю. Зато сам когда-то отдал за такой «Горизонт» восемьсот рублей, а вместо цвета шла какая-то зелень.

ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА СТУКАЧА

В филармонии гармонично сосуществовали администраторы от КГБ (они в самом деле проходили как администраторы, а называли их «дядя Вася» или «Василий Иванович») и местные стукачи, которых хватало в каждом коллективе. О «постукивающих» если и не знали наверняка, то уж точно предполагали (о двух участниках «Песняров» такие разговоры тоже ходили в курилках). Особенно за границей у них были уши на макушке. Например, в 1974-м на выставке достижений белорусской промышленности в немецком Дюссельдорфе мы разделили работу с Государственным ансамблем танца БССР. День мы играем два получасовых концерта, день танцоры свою программу показывают. Но как только «песняры» соберутся отдохнуть-расслабиться — с нами уже трётся один из плясунов. Приятели-танцоры шепнули, почему ему неймётся. Так что едва стукач попадал в нашу компанию, разговоры начинались патриотические донельзя. Правда, мы обязательно добавляли, что перебили бы всех стукачей, которые нас «пасут» ни за что ни про что. Пока разыгрывали этот спектакль, паренёк не знал, куда свои бездонные глаза спрятать. А допекли мы его, видимо, здорово. Уже в Минске случайно подслушали в укромном уголке за кулисами филармонии его жалобу своему куратору на наши приколы. Мол, так работать невыносимо, когда не можешь ответить: «Тут бы по морде вмазать...» Может, его просьбу и учли: он быстро исчез с нашего горизонта. А совсем недавно увидел бывшего танцора на мотоцикле-«квадрике», рассекающего по моему дачному посылку: еле узнал! Потом оказалось, что мы с ним ещё и живём там на одной улице...

КГБ НАСЕЛ НА МЕНЯ ИЗ-ЗА ПУГАЧЁВОЙ

Курировали сферу культуры три сотрудника КГБ. Эти ребята не открывались, не проводили никаких инструктажей: всё по принципу «один на один». Но при этом все знали их в лицо. Двое вели учреждения культуры, а третий отвечал за Минкульт БССР. А жалобу танцора принимал, скорее всего, известный всей филармонии

чекист, который вышел из музыкантов (более того — мой однокашник по музучилищу). Он, наверное, всех сотрудников «прошупывал», вот и на меня однажды насел на повышенных тонах из-за Аллы Пугачёвой. Дело было так. Когда осенью 1977-го «Песняры» с прочими коллективами отправлялись в США, у автобуса появилась Пугачёва с мужем, режиссёром Александром Стефановичем. По дороге в аэропорт Володя показал письмо от неё для радиостанции «Голос Америки» (которую тогда активно ловили в Союзе), где Пугачёва жаловалась, что её не пускают за рубеж, а здесь она не может развиваться. В один голос наши ребята советовали Володе не создавать проблем собственному коллективу. Так что порвал он этот конверт от греха подальше. И правильно: одних только танцоров, которые видели его переговаривающимся с Аллой, стояло у автобусов больше сотни! И наверняка не один стуканул куда надо.

Правда, КГБ заинтересовался мной по этому вопросу только в 1984 году. Причину я узнал ещё лет через двадцать: оказывается, в конце 1983-го — начале 1984-го во время немецких гастролей французский импресарио «накручивал» Пугачёву сбежать из Союза. КГБ эту попытку пресёк, но в Москве решили отработать и подшитую в дело историю с «Песнярами». А коль руководителей творческих коллективов негласно «не прессовали», вцепились в меня, ответственного за дисциплину (может, и ещё в кого-то — не знаю). В кабинете директора филармонии сотрудник органов то горячился и краснел от злости, то переходил на душевный разговор. Но о письме Пугачёвой я отвечал одно: «Не помню». (Бывалый стукач как-то научил меня спьяну: «Не говори “не было” или “не знаю” — только “не помню”: к физиологии не подкопаешься».) И во всём ссылался на Мулявина, понимая, что его не тронут: Володя скажет — даже стучать буду. Сотрудник уже срывался: «Кто ты такой? Что ты о себе возомнил, дерьмо? Я же знаю, что вы все там стояли! Не можешь ты этого не помнить!» Ну а я долдонил своё, ведь «песняровский» след в деле Пугачёвой порвал на мелкие кусочки сам Мулявин. В общем, отпустили меня с обещанием продолжить разговор и с подпиской о неразглашении. Но я-то бегом к телефону, звонить Володе. Он среагировал легко: забудь, я позвоню куда надо. Наверное, так и сделал, раз бесед больше не случилось.

ОТКАЗАТЬ ВЫСОЦКОМУ, НЕ ОБИДЕВ БАСНЕРА

Кстати, ещё одна история, когда «Песняров» хотели использовать для своих целей, связана с Владимиром Высоцким. С Володей Мулявиным все переговоры тогда вёл композитор Вениамин Баснер, автор «Берёзового сока». Дело было году в 1975—1976-м, когда

мы как раз плотно контактировали — записали его «Девушку из Бреста» (как и «Сок», на стихи Михаила Матусовского). А с Высоцким Баснера связывали баллады к фильму «Стрелы Робин Гуда». Писались эти вещи под конкретного исполнителя, но из картины их выбросили вслед за артистом. Тогда именитый советский композитор стал пробиваться с материалом на «Мелодию», куда Высоцкому, несмотря на авторитет Баснера, естественно, ходу тоже не давали. И тут в чью-то голову пришёл вариант: ситуацию спасёт совместная работа с «Песнярами». Тему эту Мулявин несколько месяцев ходил обсуждать с Баснером к Высоцкому, который, мне запомнилось, тогда постоянно лежал в больнице. Дело, говорят, дошло до нот, но на репетициях мы за баллады так и не взялись. Почему? В принципе всё очевидно: не хотелось Володе обижать ни Баснера, ни Высоцкого (для него запись на «Мелодии» могла стать пропуском на большую эстраду). С другой стороны, «Песня пра Долю» авторства самого Мулявина уже шла к сдаче худсовету, и зачем же ставить самому себе палки в колёса сотрудничеством с неудобным со всех сторон Высоцким накануне собственного эксперимента? В общем, видно было, как Мулявин мучился: не хотелось ему ввязываться в эту авантюру, к тому же песни баснеровские ну совсем не «песняровскими» были. Правда, советов от нас Володя не ждал: вся эта кухня творилась как бы в стороне, он единственный в неё был вхож. Я, к примеру, только урывками улавливал, что есть какое-то движение с Высоцким, но ничего конкретного. В какой-то момент Мулявин, уж не знаю почему, вообще стал спускаться всё на тормозах. А участником финала этой истории невольно оказался и я.

КАК МУЛЯВИН ПРЯТАЛСЯ ОТ ВЫСОЦКОГО

Мне и Лёне Борткевичу очень хотелось попасть на какой-нибудь спектакль Высоцкого. Приедем в Москву — только и разговоров о них. И тут вдруг свободные дни в Москве после выступления на комсомольском съезде в Кремле — помню, в зале присутствовал Брежнев, сидел в ложе. (Кстати, Валере Дайнеко в этом отношении повезло больше: когда мы договорились о его приходе в «Песняры», он поехал отрабатывать с «Червоной руты» концерт в Туле, где Брежнев, вручавший городу звание города-героя, оказался на выступлении в первых рядах.) Пользуясь почти невероятным по тем временам для «Песняров» блатом, мы с Борткевичем кинулись к Яну — главному администратору Театра на Таганке Валере Янкловичу: «Выручай!» Знакомы мы с ним были ещё по Минску, когда он несколько месяцев был администратором «Лявонов». (С этого, кстати, и началась его неартистическая карьера: потом был

театр режиссера Юденича с эстрадным уклоном, затем знаменитая Таганка.) И дело-то плёвое, казалось нам, — достать билеты на Высоцкого. Тем более у его же администратора (почти всемогущего, который каким-то чудом провёз артиста по всем крупным городам Союза), тем более нашего знакомого. Ну и «песнярам»-то наверняка местечко найдётся. Но мы ошиблись: «песняры» не «песняры», а Янклович с порога развёл руками и сослался на аншлаги. «Мест нет! Не могу!» — повторял он. А сам сидит и пыхтит американскими сигаретами. Я его даже подколот на эту тему, мол, здорово, Валера, живёшь. «Так вот и живу: оклад маленький, а сигареты — американские...» — почти с тоской ответил Ян.

После такого облома мы с Борткевичем сели на телефон и давай Мулявину звонить, намекая на его общение с Высоцким: помоги. И Володя как-то за пару часов всё решил то ли с Яном, то ли с самим Высоцким: во всяком случае, именно тот должен был нас забрать у входа в театр. Что Мулявин наобещал — не сказал, но отправлены мы были (кстати, он сразу на два спектакля договорился — «Гамлет» и «Десять дней, которые потрясли мир») с заданием его прикрыть. «И говорите что угодно!» — сказал по телефону Вова. Ну а прояснилось всё, когда Высоцкий вышел из своего шикарного мерседеса у входа в театр со словами: «А что Мулявин? Вас посылает, а сам пропадает?» Мы не в курсе их договора, так что промямлили какую-то ерунду о резко изменившихся планах. Но стало ясно: он ждал именно Володю — наверняка хотел переговорить с ним с глазу на глаз о своём вопросе. Тем не менее Высоцкий подошёл к кассе, выписал нам места и сам разместил в зале. На следующий день он тоже ждал самого Мулявина. Пришлось краснеть и опять врать на вопрос вроде: «Муля всё шифруется?» Мне показалось, что с обидой это прозвучало: мол, если дал обещание, пусть выполняет. Или даже с жёсткостью. (Причём Высоцкий и запомнился мне как раз таким — жёстким, прагматичным, хотя, может, просто сосредоточенным на своей цели.) Потом, уже поспокойнее, сказал, что сегодня аншлаг, но нас посадят — хоть в проходах, но посадят. Мы ко входу, а женщина-администратор стала стеной: мест нет. Мы ей о Высоцком с его обещанием. Она даже отправилась к нему уточнить, и пару мест нам нашли.

Вот и все встречи. За кулисы в антрактах или после спектаклей, как бы Лёне Борткевичу ни хотелось, мы не попали: никто нас туда не провожал, да и сами не рвались при такой-то прохладной встрече с Высоцким на входе. Ноты баллад Баснера остались после развода Мулявина, по его собственным словам, на квартире у второй жены. На том для «Песняров» тема с Высоцким была закрыта. Да и он о нас забыл, когда ему удалось записать пластинку

во Франции. А оба спектакля — любопытные. Это, что называется, надо видеть. Песни песнями, но на подмостках Высоцкий — совершенно другой: забываешь обо всём и всю постановку воспринимаешь исключительно через темперамент одного артиста.

РАСКРЫЛ ЧЕКИСТА ИЗ-ЗА ПЛАВОК

Частенько за границу нас сопровождала как администратор заведующая одним из отделов Министерства культуры БССР Овсянкина, приятная и знающая своё дело женщина. В её задачи входило и составление отчёта «куда следует». Но с нами всё было тип-топ: проблем не создавали — уж очень хотелось за границу попасть снова. Ну а в качестве ещё одного «администратора» неизменно ездил чекист (даже от дирекции филармонии не всегда было сопровождение), причём каждый раз новый. Конечно, опасаясь, когда за тобой постоянно следят: лишней раз рта не раскроешь. Ну да, как правило, это пусть и одинаково коротко стриженные, в строгих костюмах, но обычные и понимающие были ребята. У одного из таких «смотрящих» я как-то одолжил в загранке плавки. Дело было под конец гастролей, и отдать не успел. А потом встретил этого паренька в филармонии, налетел на него с приветствиями и давай о плавках на голубом глазу: куда, мол, принести? Чекист слегка опешил: тем, кто ездил за границу, дальнейшие контакты с курируемыми артистами запрещались. А я же его, считай, рассекретил из-за каких-то плавков! (Хотя, конечно, вся филармония и так знала, что этот чувак — куратор местных стукачиков.) В его глазах даже немая просьба ясно прочиталась: «Только не спрашивай вслух, почему я больше с вами не поехал...» Правда, он быстренько «сгруппировался» и уже налегке так простил мне должок.

Кстати, когда комитетчики поднимались по карьерной лестнице в своём ведомстве, они уже сами при встрече кидались с распростёртыми объятиями. Мало того, именно белорусские чекисты помогли нашей семье в целиком жизненной ситуации: раскопали архивные документы, которые позволили тестю — отцу моей жены Ольги Анатолию Лаврентьевичу Писареву — получить статус ветерана Великой Отечественной войны. Он пацаном был узником в фашистских концлагерях в Норвегии, но как докажешь, как получишь «корочки», когда нет на руках никаких бумаг?

«Кто “стучал”?»

Помню, как на программе «Музыкальный ринг» в 1998-м (мы попали туда ещё госансамблем) зритель в зале спросил: «Вас часто выпускали за границу. Кто из вас “стучал”?» И что отвечать? Первому кричать «не я!», что ли? Так тебе и скажут: «Значит, этот». А связь

ансамбля с КГБ была во время первых гастролей главной темой для американских журналистов. Знакомые говорили, что наши осторожные ответы на вопросы о сопровождающих лицах (с намёком на кагэбэшников) передали по «Голосу Америки» слово в слово. А в сотрудники «конторы» американцы записали руководителя всей делегации Лёню Боровского и нашего рабочего Гришу Шнейдермана: мол, у этих нет длинных волос и одеты не как хипари, в отличие от музыкантов. Даже какие-то вопросы к ним случились на границе: вот музыканты, там композитор, здесь переводчица, а эти кто? Короче, любой мог сойти за стукача или сотрудника органов.

Писк в кожанке

Мало того, в первые дни американцы смотрели на нас искоса, с подозрением. А причина, кроме общего недоверия, вот какая. В Штатах за модой не гнались, не пыжились купить клёвую шмотку за последние деньги. Тем более на Юге, по которому мы и колесили. То ли дело наш человек! Из Югославии месяцем раньше «Песняры» привезли отличные кожаные пиджаки, ну и в Америку через одного их напялили. На «югах», как и в Союзе, это последний писк, в европейских странах тоже сходили за местных. А здесь пришлось по-быстрому переодеться в самые обычные джинсы за десять долларов. Дело в том, что из-за этих пиджаков нас всё время допытывали журналисты о сотрудничестве с КГБ. Кожанка, видимо, прочно засела в их сознании как форма чекиста.

«Вышка», или Правильные выводы

Если «Песняры» представляли страну за пределами Союза, значит, нам доверяли. Такая поездка считалась подарком судьбы, а дисциплина — с армейских времён не новое слово. Потому, наверное, особенно нервно мы ждали не выезд в Америку, а гастроль в Чехословакию в апреле 1972-го. Ведь за несколько месяцев до того случился скандал в Волжском, и казалось, не то что на командировках — на самом ансамбле поставили крест. Верная реакция и правильные выводы (то же участие в конкурсе политической песни) вернули «Песняров» в обойму выездных, а сама инъекция от рецидивов оказалась очень эффективной. Во-первых, мы окончательно повзрослели: к хорошему — стабильная работа, известность — привыкаешь быстро, а у всех к тому же пошли семьи, дети. Во-вторых, поездки давали реальные плюсы. В Союзе твой уровень, авторитет — это то, где ты успел побывать: Польша — отлично, Франция — круто, Америка — «вышка»! Ну и нечего скрывать: за неделю-другую за рубежом ты и сам оденешься, и семью нарядишь в модные недорогие вещи, и друзьям привезёшь подарки,

и на взятки шмоток с «лейбами» хватит. Так что есть доля правды в том, что «Песняры» ходили «на поводке» и получали все блага. Только последние — результат серьезной работы, а поводок нередко был коротковат.

КАК НАС ОГЛУШИЛИ ШВЕЙЦАРСКИЕ КОММУНИСТЫ

Как раз по этой «доверительной» линии нас отправили в 1974-м в Швейцарию. «Песняры» выступили там на торжестве в честь юбилея местной левой партии — вроде как культурный подарок от СССР. А во втором отделении играла популярная тогда рок-команда (названия не помню, но наши ребята говорили, что слышали о ней). Звук потяжелел, но отстраивать его не спешили. Мы промучились пару номеров в партере и попросили другие места. Нас определили на балкон. Оттуда картину «партсъезда» увидели во всей красе: люди не только сидят, но и лежат, по партеру бродят, возле сцены колбасятся, а где-то и дымок характерный тянется. В общем, коммунизм наступил! Но главное, что ужасный звук и здесь настиг: всё вылетало под крышу и смешивалось на балконе в дикую какофонию. Поплохело всем, особенно Толе Гилевичу с его тончайшим абсолютным слухом. Мы к дверям — закрыто! Стучим, требуем «освободить», а Толя уже чуть не ногтями царапает дверь... Только когда чёртову дверь стали высаживать, нас слышали.

Кроме того, попали «Песняры» там на праздничный банкет. Сразу удивились: еды — завались, а выпивки — по нулям. А потом подумали: мало ли что за традиции у швейцарских коммунистов. В общем, наелись до отвала. И вдруг пришлось судорожно шарить по карманам в поисках последних командировочных: оказывается, там банкеты оплачиваются на месте их участниками. Вот точно: коммунизм наступил! Но для нас, привязанных к минимуму иностранной валюты, это стало ещё одним разочарованием в швейцарском гостеприимстве. Почему так вышло? А попросту советские дипломаты... забыли рассказать о всех нюансах.

ПОСТРАДАЛ ЗА КОММУНИЗМ

«Песняры» сторонились сомнительных ситуаций и знакомств за рубежом. Наверное, удачно, раз товарищи в штатском не докапывались по этому поводу. Да и верили мы совершенно искренне в ценности социалистические, коммунистические — советские, в общем. Помню, как в Германии «Песняры» оказались на одной сцене с блестящим оркестром Густава Брома (в Минске я уже бывал на их концерте) из чешского Брно, который в 1945-м освободили американцы. Познакомились, здорово выпили с музыкантами.

Под хмельком спрашиваю у одного из саксофонистов Брома: «Наверное, плохо вам было под американцами?..» А он как взбеленится: «Отродье коммунистическое, вам всё плохо американцы, а они нас спасли!» Дальше разговор, понятное дело, не сложился. И мне до сих пор неудобно — честное слово! Ну а оркестр этот, несомненно, блестящий.

Рулон от белогвардейца и попытка эмиграции

Но и за границы дозволенного порой заступали. То же якшанье с бывшими нашими могло сказаться на репутации ансамбля: ясно ведь, что не от большой любви к советской родине они уехали. Но встречи такие были неизбежны. Другое дело, что в 1976-м за все две недели нашей поездки по Югу Америки из бывших соотечественников встретился только один бывший белогвардеец. После концерта он так расчувствовался, что отвёз нашего костюмера Валю Латушко на свою небольшую ткацкую фабрику выбрать на костюмы рулон ткани (кстати, отличной!). Зато через год нас узнавали на улицах Нью-Йорка белорусские эмигранты, которые прямым текстом уговаривали не возвращаться в Союз. Тогда же Володе Мулявину кто-то из довольно известных персон белорусской диаспоры подарил вышиванку со словами, мол, это настоящее, у вас такого нет! Помню, как мы её потом разве не под лупой рассматривали — искали «настоящность». Поняли или нет, но была она из отличного материала, а узор, даже на наш неподкованный глаз, отличался от костюмов того же хора Цитовича и прочих наших «народных» ансамблей. А ещё нам читали те стихи Янки Купалы, которые в СССР давно запретили, целые сборники с ними дарили. Не знаю, как остальные ребята, но я свой экземпляр решил даже не пытаться прятать в чемодане — оставил. Поймай нас пограничный контроль — получили бы по полной катушке! А вот куда делась Володина вышиванка, не знаю. Факт, что больше я её не видел.

За нами ведь и самими смотрели тоже чуть не под лупой — что «компетентные органы», что партийное и комсомольское руководство. Потому и «личный зачёт» учитывали. Вот так невыездными оказались Валентин Бадьяров и Юрий Денисов. Первому едва ли не «антисоветчина» светила: какое за рубеж — он и в коллективе не задержался. Второму помешали высокие посты родителей. Приходилось расставаться, пусть и с сожалением. Любая банальная безалаберность закрывала выезд всему коллективу, а тут такой удобный для «компетентных органов» набор... Мы не могли рисковать наработанным доверием из-за одного. Сама возможность передохнуть от работы в Союзе, увидеть новые страны (с учётом «железного

занавеса»), интересно провести время была весомой причиной, чтобы соблюдать предложенные правила.

«Кукушка» Знака

Кстати, о том, как легко правила эти можно было нарушить и следом поплатиться, все знали. Так что если и делали шаг в сторону от установок, то крайне осторожно. Скажем, совсем не по официальной программе второй поездки встретились со звездой эмиграции Данчиком. Его записи оказались у Игоря Лученка, по-моему, ещё в первый выезд в Америку, и он предупредил нас заранее: может быть такая встреча. В 1977-м она и произошла. А из Швейцарии в 1970-х модно было везти часы с кукушкой. Наш директор Лёня Знак поддался этому веянию, но в иностранных языках был совсем не силен. Он просто рассвирепел в часовом магазине, продавец которого упорно не понимал его желание купить заветную «кукушку». Дошло до того, что Знак выставил вперед одну руку и закуковал, держась второй за лацкан пиджака. Прямо вылитый Ильич с картины! Правда, потом Лёня вспомнил о грядущем столетии вождя мирового пролетариата, по поводу чего в Союзе как раз ходил анекдот: мол, выпустили в честь юбилея новую модель часов, где вместо птички выезжает Ленин на броневичке с вытянутой рукой и кукует. Ох, как же Лёня тогда забеспокоился, чтобы на него не «накуковали» куда следует! А знал бы, например, английский язык на уровне полсотни слов, не пришлось бы дёргаться.

Каннский п***ц!

Правда, и русского порой вполне хватало. В Каннах мы с Мулявиным отправились по местным магазинчикам в поисках обуви для Володи. Забрели на улочку, где на узеньких тротуарах едва-едва могли разойтись два пешехода, зато магазинчиков — десятки. Вова идёт по одной стороне, я по другой. Мне что-то приглянулось, и я через улицу говорю: «Володя, да тут п***ц какая обувь, глянь!» Мулявин не успевает ничего ответить, как прямо передо мной резко разворачивается какая-то мадам со словами: «Молодой человек! Как вы прекрасно разговариваете по-русски!» Разговорились — оказалось, что дама из эмиграции, обосновавшаяся в Каннах. И столько лет она не слышала русской речи, что ей «п***ц» даже матом не показался. Да и по смыслу новая знакомая уловила в нём исключительно... хорошее.

Проехали Минск из-за Маресьева, но Берлин вскочил

Ну и в продолжение темы доверия к нам. Его высшей степенью считалось даже просто участие «Песняров» в берлинском Фестивале

Собираемся на Фестиваль молодёжи и студентов в Берлин, улыбаемся, а на душе горько — и двух недель не прошло, как погиб Валера Мулявин. 1973 год

молодёжи и студентов в 1973-м. Начался для нас фестиваль с выезда делегации из Москвы на специальном поезде. Вот где царил демократия! Всех, от первого секретаря ЦК Ленинского комсомола Евгения Тяжельникова до рядового музыканта вроде меня, одели одинаково, везли нас в купейных вагонах, кормили в вагонах-ресторанах. Ну и творческая атмосфера, конечно, царил. Когда Эдик Хиль выступил перед своими земляками-смолянами прямо на перроне вокзала, «Песняры» тоже настроились выйти на перрон в Минске. Но в дороге Игорь Лученок стал водить «Песняров» по купе. Под гитару Володи Мулявина мы поближе познакомились с Александрой Пахмутовой, Иосифом Кобзоном, а потом зависли с «настоящим человеком» Алексеем Маресьевым. И таким обаятельным, приятным и компанейским он нам показался! Правда, от военных тем всё-таки уходил, хотя мы его расспрашивали о тех годах. Ну а чисто внешне (как ни присматривались) отличала Алексея Петровича разве что немного своеобразная походка: какие там ампутированные ноги! Лётчик залихватски выпрыгивал из вагона покурить на перрон! (В один из таких выходов я и ещё кто-то из «песняров» сфотографировались с Маресьевым на память.) Из-за этих-то знакомств мы и пропустили остановку в Минске и не спели для белорусов. Зато в Берлине многотысячный и многонациональный дворец на Фестивале молодёжи и студентов вековчил после

«Камсамольскага білета», а на «Баладзе аб чатырох заложніках» просто стонал. Большинство не понимало ни слова, да и тема, на первый взгляд, узкая, белорусам в полной мере понятная. Но, видимо, музыкально получились не последние вещи. Да и мы сами глаза по-особенному таращили, тем более с такой-то клёвой аппаратурой: каждую ноту было слышно...

Жаль, всего этого Валера Мулявин уже не увидел — это были первые зарубежные гастроли без него, спустя пару недель после его гибели...

ПО СТРАНЕ ШАГАЛИ РЕДКО

Когда ансамбль вернулся лауреатом конкурса политической песни этого фестиваля, Володя Мулявин с Игорем Лученком отчитались об успехе слёгшему тогда в больницу Машерову лично — принесли показать диплом. (Кстати, после того и на концерты коллектива Пётр Миронович стал захаживать.) Пусть места в Берлине не определялись, это была наша первая настоящая международная оценка. Ну а комсомольский ярлык с тех пор прочно приклеился к ансамблю. Впрочем, тогда это воспринималось иначе — может, и не как огромная честь, конечно, но и совсем не как обязательство. Ведь что давал комсомол артистам? Много работы, большую аудиторию, какие-то привилегии, премию, наконец, как «Песнярам» в 1977-м.

В общем, балансировали мы с этой темой долго и довольно удачно — читай: не особо углубляясь в неё. Скажем, в репертуаре появилось пару песенок в духе «Мы идём по стране» и «Комсомольской юности» авторства Игоря Лученка. Но поскольку это всё далеко не Володин «Камсамольскі білет», в концерты подобные вещи и не думали вставлять, кроме каких-то особых случаев. Может, из-за отсутствия особого рвения к комсомольской теме с нашей стороны, а может, из-за специфичности основного направления «Песняров» не нам поручили «опеку» над Дином Ридом. Ну куда стремиться к такому сотрудничеству, какое было у него с «Верасами», если оно требовало больших гастролей, поездок на тот же БАМ — Байкало-Амурскую магистраль? Это задержало бы развитие «Песняров», ведь Володя Мулявин на тот момент уже мыслил будущей оперой. Вот «Верасам» контакт принёс пользу, и не выглядел цирковым номером. Кстати, сам Рид мне запомнился хорошим парнем. Но, как теперь кажется, он долго не осознавал, в какие политические игры его втянули.

ПОСЛЕДНИЙ «КРИК» В АМЕРИКЕ

Когда попадали в Союз бригады югославы или венгры, обязательно на ломаном русском что-то пели. «Подмосковные вечера»

или «Калинка» быстро налаживают контакт с залом. Но «Песняры», чтобы с публикой позаигрывать на одном-двух концертах, не кидались во что попало (хотя материала, который у нас, считай, и не слышали, за все годы набралось бы на двойную пластинку, не меньше). Тем более в репертуар эти «сувениры» не возьмёшь: «не национальное», «поклонение перед Западом», «бледная копия» — знакомые формулировки. Правда, такие ожидания со знаком «минус» спасали и от сомнительных сравнений, чья версия лучше.

К тому же не всякую публику песнями-«сувенирами» проймёшь. Белорусский литератор Язэп Семяжон перевёл на английский «Крик птицы», и мы с пацанами кайфовали и от того, что «Песняры» могут по-английски звучать, и от почти актёрского драматизма Кашепарова. Даже подзуживали Толю: «Да ты не хуже Мули!» Но уже после первого исполнения в Америке наш импресарио Сид Гаррис песню «зарезал»: сложный текст, слишком много ассоциаций. «И лучше... пойте на своём языке», — добавил он. Мы сразу носы повесили: думали, что это самая продвинутая и американская вещь у нас — убьём наповал! Так что только заранее оговоренная «Дорогой длиною» в аранжировке Толи Гилевича осталась из «сувениров». Шла она в финале концертов с куплетами на английском и на русском: The New Christy Minstrels пели, от нас — инструментал и подпевки. Но эта песня уже была популярна в США. Потому-то легко с первой же репетиции сыгрались и спелись с «менестрелями». Только американцы не знали, что изначально это известный русский романс.

ДАЙНЕКО, БРЕГВАДЗЕ И... СТИВИ УАНДЕР

Толя Кашепаров пел ещё на немецком, польском, чешском... А ко вторым американским гастролям появился Дайнеко с громадным опытом в англоязычном репертуаре. Он сразу предложил сделать для американцев шикарную «Isn't She Lovely?» Стиви Уандера в близком к оригиналу исполнении. Вышло здорово, тем более у Валеры всегда «нос по ветру»: у американцев эта вещь Уандера как раз была на верхних строчках хит-парадов. А как от Валериного исполнения балдела Нани Брегвадзе! (В составе грузинской «Орэры» она тоже была 1977-м за океаном.) Когда они за кулисами встречаются, она до сих пор напевает: «Isn't she lovely? Isn't she lovely?...» Но в итоге — снова те же грабли. На этот раз «сувенир» для американцев утонул в общем котле, где четыре-пять «песняровских» песен разместили между циркачами и танцорами. С тех пор без заказа за иностранный репертуар почти не брались. Даже на выступлении в ООН перед дипломатами не вышли за рамки программы «Вянок» на стихи Максима Богдановича.

«Завушніцам» помешала ПРАЖСКАЯ ВЕСНА, «Крику птиц» — Москва

У «Песняров» ещё в первую загранку на знаменитый фестиваль в Сопоте могла появиться вполне осязаемая с технической точки зрения возможность: издать пластинку за рубежом (в творческой стороне вопроса никто не сомневался). Но на проводившемся там отдельно конкурсе фирм грамзаписи мы заняли второе место. Это только дипломчик — ни премий, ни записи диска в шикарной студии, как португальцу-победителю Паулу Коннору. Но, может, всё и к лучшему: не пришлось столкнуться с подозрениями, что, при особой дружбе Союза с Польшей, «старший брат» продавил победу.

Зато в первой же чехословацкой поездке «Песнярам» предложили записать песню на пражском радио. Из вежливости, наверное, стоило выбрать что-то из репертуара Иржи Громадки, раз мы с ним выступали. Но остановились на «Завушніцах» и не прогадали: эта запись попала на пластинку, годами крутилась по радио в СССР. Правда, мы ожидали, что на пражской студии скажут: «Ребята, да это же настоящая бомба!» Но вместо бурного восторга что там, что на телестудии, где мы снимались с теми же «Завушніцами», — сухое «спасибо», сделали работу — «до свидания». Сдержанный приём сперва поставил в тупик. Мы сами обожали эту песню, и советская публика стояла: клёвая вещь, блестящий мелодизм Володи Мулявина, свежая

Вова Николаев с саксофоном, я с флейтой, а Володя Мулявин явно поёт во всю мощь. Значит, звучат «Завушніцы»! Первая половина 1970-х. Фото: Юрий Иванов

подача. (Правда, на правительственных концертах в Минске «Завушніцы» оказались среди нежелательных песен: может, слишком Запад выпирал?) А потом вспомнились косые взгляды на русскую речь на центральной Вацлавской площади Праги, где нас поселили в шикарном отеле «Амбассадор». Пусть советские дипломаты уверяли: «Теперь-то всё в порядке», — мы замечали, что народ не остыл. Всего четыре года прошло после Пражской весны. (Однако спустя пару лет запись оценили и там: «Завушніцы» по ней перепел женский хор из Чехословакии — к «Братиславской лире» вроде бы.)

Ну а наша мечта отчасти исполнилась после «Золотого Орфея — 74». Под маркой фестиваля вышел миньон «Песняров» на местной фирме Balkanton. Правда, это не студийные записи, а сделанные на фестивале. К тому же миньон — всё-таки не гигант. Тем более издали болгары только «правильное»: «Песню памяти Виктора Хары» и «Берёзовый сок», хотя зрители (а там были и советские отдыхающие), которые неплохо знали слова, на концерте лучше принимали «Крик птицы». Но тут, видимо, Москва посоветовала «братушкам» воздержаться.

ТАК КТО ВСЁ-ТАКИ «СТУЧАЛ» ЗА ВСЕХ?

Переплясывать зрителей, к примеру, в южных странах — пустое. В конце концов, ради знакомства с неизвестной им культурой люди и приходили на концерты. И коль скоро «Песняры» оставались естественными, ни под кого не подстраивались, приём получался самый горячий. Скажем, когда готовились ехать на Кубу, наслушались от советских артистов, которые успели там побывать, что народ на Острове свободы ну очень музыкальный. И вот — наш концерт во время фестиваля «Варадеро», а публика никак не раскачается. И программа ведь — то что надо: народный номер, убойное а капелла, лирико-патриотический номер. Только контакта с огромной толпой — никакого. В общем, носы повесили, не знаем, что делать. Но как только своё соло начал долбить Шурик Демешко, завёлся весь пляж. О, его на руках были готовы носить: барабанный король, не меньше! (Чуть раньше в Мексике — такая же реакция: только номер Шурика показывало местное телевидение.) Так что Вова Мулявин уж точно понял, когда наступает звёздный час для ударников. Да и в принципе: не знали, чем удивлять, — Шурик, Вова Беляев, вперёд! Не удивительно, что потрясающая «подарочная» песня «Saga» для Буркина-Фасо включала шикарное соло на ударных Володи Беляева (даже в программу к двадцатилетию вошла под рубрикой в духе «таких “Песняров” вы ещё не слышали»). Пел её Валера Дайнеко, которого местный автор музыки каждый день во время гастролей караулил у бассейна в отеле посреди

пустыни, чтобы пожать советскому певцу руку. А найти нас там было несложно: концерты проходили через день, и всё остальное время мы то ли оттягивались, то ли прятались от жары на этой, считай, вилле. Кстати, из всех загранок именно в Буркина-Фасо чувствовали себя как в Союзе. Вроде бы всё по-другому: культура принципиально другая, музыкальность совсем не славянская или, скажем, английская, начиная от восприятия природы звука. А залы (были, кстати, и приличные — тысячные) таяли уже после первой «Ой, рана на Йвана», не слышали никакого «противоречия» для своего уха. Ещё в Монголии на удивление тепло нас принимали, правда, там хватало советских командировочных.

Помог крестик Пугачёвой?

Госконцерт СССР по зарубежным мероприятиям всегда занимал двоякую позицию. С одной стороны, на том же музыкальном рынке MIDEM советская сторона не рассчитывала на коммерческий успех. Потому и павильон выглядел скромно на фоне соседних: буклеты с кошмарной советской печатью, выбор пластинок так себе. Даже «Песняров» выставили вроде как «на продажу» с непрезентационного вида винилом. (Кстати, во Францию мы пробилась со второй попытки, но зато когда уже «подкачивали мускулы» будущей рок-оперой.) Причём экземпляры едва ли не под счёт шли, так их было мало. Наконец, всех советских участников упаковали в один концерт: мы, Алла Пугачёва и цыганское трио «Ромэн» с Валентиной Пономарёвой. «Песняры» точно пели «Ой, рана на Йвана» и «Аве Мария» (стандартные для загранок) плюс ещё несколько номеров, но без нетленок вроде «Вологды». Как нас принимали? Сначала осторожно, но потом пошли настоящие, не дежурные аплодисменты. На банкете это подтвердилось: почти все приглашения касались «Песняров» — во всяком случае, трио «Ромэн» поездку в Америку не предлагали. Ну а всё, что касалось Пугачёвой, наверняка осело под сукном: приглашения были, вокруг неё толпились импресарио. Но наши чиновники побледнели, когда Алла появилась с крестиком на шее (и долгое время она была уверена, что её выездам за рубеж мешали именно из-за этого случая). Да, как раз в такие моменты проявлялась вторая ипостась Госконцерта — «не пущать». Только Мулявину подсовывали расписание тура или контракт — сразу же возникал ответственный товарищ с кислой физиономией и принимал все бумаги. Даже сборник нот для саксофона, который мне предлагали выслать на дом, он перехватил. Я и рта не успел раскрыть, как из-за спины уже тянулась визитка с московским адресом Госконцерта. Был сборник или нет, но до меня он так и не дошёл.

ДРЕМУЧИЕ «МЕНЕСТРЕЛИ»

Когда на горизонте забрезжили Штаты, это было всё равно как ожидание полёта на Луну. С какими «их нравами» там столкнёмся? Как будем выглядеть в стране, откуда чуть ли не все наши музыкальные кумиры? Тем более «Песняры» в своём жанре ехали туда от Союза первыми. Разве что слышали, как поляки из No To Со лет семь назад выступали в Америке — причём именно с фольклорным репертуаром. И тогда их успех, кстати, считался невероятным прорывом, отголоском дошедшим как минимум до Минска. (Хотя, по-моему, польские «Червоны гитары» могли бы «выстрелить» ещё резонанснее, не зря ведь гремели какой-то период по всей Европе.) Но настраивались мы на главное: не облажаться за всю советскую родину.

Правда, с кем предстоит выступить, «Песняры» не имели ни малейшего представления: ни записей, ни названия The New Christy Minstrels мы раньше не слышали. По приезду узнали от Сида Гарриса, что одно время «менестрели» входили в хит-парады, имели пару десятков пластинок — короче, в непрофессионализме не упрекнёшь. Но и современностью там не пахло: контрабас, банджо, кантри, перепевки «битлов» для разнообразия — это же дремучая архаика в популярной музыке середины 1970-х даже для нас, приехавших из-за «железного занавеса». Правда, кантри у них известнее любой другой поп-музыки: не зря в Америке самые богатые — это гольфисты и кантристы.

Жаль, что на старости лет...

В южных штатах, где мы гастролировали, американский ансамбль принимали тепло даже после пятилетнего перерыва в его работе. Не удивительно, что за «менестрелями» (ну не за нами же — с советскими-то суточными) девушки ездили на своих клёвых машинах. Причём пять лет прошло, и девушки явно сменились — совсем ведь юные. Когда поняли, что видим их не первый день подряд, спросили, кто это. Оказалось, «группиз» — для нас тогда диковинка. Хотя бы потому, что было абсолютно не ясно, когда же эти дамы успевают строить светлое капиталистическое будущее своей родины, если всесторонне следуют за кумирами. Короче, посмотрели мы и только облизнулись — американкам советские гости оказались совершенно неинтересны.

Кстати, на старости лет и мы доросли до такой категории фанатов, которые сплотились благодаря интернету, причём, что приятно, сразу вокруг именно нашего ансамбля. На страницах «Белорусских песняров» в социальных сетях эти прекрасные дамы (в том числе на удивление юные) недоброжелателей своих любимцев разве

В Нью-Йорке «Песняры» в первый раз гастролировали недолго, хотя могли бы выступать месяц. Хорошо ещё, что я успел сделать фото на Таймс-сквер

что не загрызут — порой даже в ущерб первородным для нас «Песнярам». Они же нередко звонят директору, узнают, можно ли приехать на определённый концерт с ансамблем.

Послал за «ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ»

Правда, поскольку в Советском Союзе хватало перевёрнутого с ног на голову, у нас тоже образовались группиз — мужчины с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Вроде как даже и не удивительно, поскольку в «Песнях» играли видные персонажи

(опустим подробности). И больше всего доставалось солистам — среди них даже имелся какое-то время лидер по «особому вниманию». За ним ездили из города в город, цветы дарили, в гости приглашали. Поскольку этот «фан-клуб», несмотря на суровые советские законы, и не пытался шифроваться, угрозу знали в лицо. Но проверяли на прочность, подозреваю, чуть ли не каждого, вот однажды и мне позвонили с «заманчивым предложением». Надеюсь, послав звонящего, я не сильно изранил его душевную организацию. А ведь ещё и чекисты по заданию нас тестировали перед всеми большими поездками. Бывает, примелькается лицо (или просто чутьё подсказывает, кто перед тобой), и ты уже знаешь, что сейчас начнёт на что-то провоцировать, наводить туман: «Тебе привет от Славы?» — «Какого Славы?» — «Ну как же...» И давай чесать про какой-то вымышленный поход в гости к сомнительным типам.

ПОМЕНЯЛИСЬ С «АТЕИСТАМИ»

Но вернёмся к первым американским гастролям. Думаю, для привлечения большего внимания к The New Christy Minstrels, для зацепки Сиду Гаррису и требовалась советская группа. По короткому выступлению в Каннах и паре пластинок он рассчитывал примерно на сходный уровень. Но отыграв в первый же день на разогреве, назавтра «Песняры» с часовым вторым отделением закрывали концерт. В основе программы — народные песни, хорошо принимали «Аве Мария» — вроде как в Союзе атеисты, а к религии с уважением относятся... Итого: тринадцать аншлагов плюс выступление в советском посольстве в Вашингтоне. В результате в Москве прямо с самолёта нас повезли сниматься в «Песне года — 76», где прозвучали «Вологда» и «Белоруссия». Американский успех и заграничный прикид ансамбля (всё те же кожаные пиджачки, кстати!) тогда отметили за кулисами и Муслим Магомаев, и Иосиф Кобзон.

«ХРИСТОС! ХРИСТОС!» И МИРОВОЙ УРОВЕНЬ ГИЛЕВИЧА

Блеснуть, а тем более в Америке, хотелось и в «личном зачёте», но на комплименты за рубежом никто из нас не напрашивался. Как-то само вышло... Лёню Борткевича американцы сразу стали выделять: «Христос! Христос!» И ведь точно подметили: мало того, что образ, как с иконы, так ещё и ангельский голос. Кстати, он как раз в полёте над Атлантикой очаровывал им в дуэте с Кашепаровым, как оказалось, свою будущую жену Ольгу Корбут, тогда уже олимпийскую чемпионку. Шурика Демешко после Штатов вообще называли «намбэр уан» в ансамбле! Единственный концертный номер, который полностью передали по «Голосу Америки», — его соло на ударных в «Забалела ты, мая галованька». И ещё небольшое

интервью с ним. Знакомые в Минске визжали под одеялом от восторга, услышав Шурика из-за океана! А когда перед одним из концертов Толя Гилевич импровизировал на рояле (разыгрывался, по сути), Сид Гаррис засыпал нас вопросами: «Это ваш парень? Не сессионный музыкант? Не из Европы?» А потом сказал: «Это русский Оскар Питерсон, пианист мирового уровня, и я хотел бы видеть его в одном из своих коллективов». Пусть это предложение ни во что не переросло — не могло перерасти, но, думаю, для Толи оно оказалось неожиданным и приятным. И не было причин не верить оценке импресарио: всё-таки работа с крупными исполнителями, скажем с Барри Уайтом, — это уровень. Да мы и сами знали, насколько Толя мощный музыкант — высший класс! Кстати, после таких оценок что-то мне не особо верится, что фразу «Поют, как боги, играют, как дети» мог произнести Гаррис. А вместе с тем мы и сами поддерживали этот миф долгие годы.

Одна строка с Колтрейном

Даже обо мне в одной местной газетке написали пару строк. Журналист слушал, как я разыгрываюсь, и вдруг спросил про моё отношение к творчеству Колтрейна. А это ещё с армейских времён мой кумир! Так что я загорелся, наговорил много всего. Только в конце беседы вспомнил о провокациях, которыми нам грозили в Минске и в Москве, и через переводчика уточнил, к чему вопрос. Оказалось, что журналист в одном из пассажей уловил что-то от манеры моего кумира, блестящего тенориста. Вроде нескромно, но как корреспонденту было пояснить для читателей маленького городка, что советские музыканты шарят даже в чисто американской музыке? Ведь местные о нас не знали ничего. Помню, у Лёни Тышко в одном из его стихотворений есть строчка: «Не во сне — наяву — была встречена аплодисментами наша “Рана на Йвана” в нью-йоркском аэропорту». Спели-то мы... хреновенько: перелёт долгий, понемногу накатывали, а журналисты и правда обалдели от этих нескольких аккордов. Думаю, ещё и потому, что они ожидали какой-то рок- или кантри-музыки, более им привычной. Так что пусть в таких сравнениях есть что-то от выражения «ради красного словца», но стоять в одной строке с Колтрейном — вполне комфортно!..

«МЕНЕСТРЕЛИ» НЕ ОДОЛЕЛИ НАШ ИНСТРУМЕНТАЛ

Запись на американской студии — казалось бы, несбыточная мечта! А каждый приехал домой с небольшой бобиной такого материала. Да ещё оттуда, где писались любимые Мулявиным Chicago или Blood, Sweat & Tears, куда, говорят, приглашали Чесика Немена!..

Тем более в планах не значилось даже экскурсии по филиалу фирмы Columbia в Нэшвилле, столице кантри. Ситуация поменялась, когда Сид Гаррис подсчитал прибыль (не зря в аэропорту Вашингтона благодарил «Песняров» на коленях!) и заговорил о новом туре в 1977-м. Под него он и рассчитывал заранее выпустить совместную с The New Christy Minstrels пластинку. Песни, наверное, выбирал из тех, что цепляли публику на концертах: такие проще раскрутить будет, тем более на двух языках. А «Вераніка», к примеру, многим ребятам-«менестрелям» пришлась по душе, да ещё и композитор присутствовал! Американцы просто балдели и от «Расцвела сирень», которую спел Мулявин. (Эти вещи позже в Союзе вышли на гибком диске.) Ну а «Добры вечар, дзяўчыначка» (кстати, тоже песня Лученка совместно с Мулявиным) — что-то вроде кантри, близкого американскому уху. Мало того, мы даже собирались какие-то вещи для этой пластинки досылать Гаррису из Союза, но дальше обещаний дело не пошло.

Интересно, что свои куплеты американцы сочиняли прямо во время переездов, не спрашивая, о чём оригинал. Ну а за наш инструментал «менестрели» даже не брались. Выходит, Гаррис опять-таки погорячился, если и вправду говорил, что «Песняры» играют, как дети (но скорее всего, думаю, американцам не заплатили за переработку, вот они и не стали напрягаться). В любом случае смогли отработать совместные номера побыстрее — материал-то родной. А в сэкономленное время успели ещё и несколько своих тем записать — «Купалінку», «Касіў Ясь», к примеру. Там, кстати, весь процесс отлажен под то, что время тикает, а деньги капают. Поэтому и готовится всё заранее. Помню, как Шурик Демешко сел за барабаны, а они словно под него отстроены. В Москве, может, и неделя на это ушла бы...

КАК ГОСКОНЦЕРТ «КИНУЛ» СИДА ГАРРИСА

Всё указывало на то, что Сид Гаррис был уверен в успехе новых гастролей «Песняров» в Штаты. Причём на горизонте маячил уже Нью-Йорк — театр на Бродвее! Да только мыслил Гаррис как типичный американский делец: вот контракт и деньги — присылайте артистов. Зато когда его идею «доработал» Госконцерт СССР, вернее, перевернул с ног на голову, на выходе получилась концертная программа «Эстрада-77» к шестидесятилетию революции. Москва, похоже, рассудила так: раз уж прошлогодний успех «Песняров» прорубил даже не окно, а нормальную дверь, то в неё надо ломиться по полной. Да и как это «Песняры» из Беларуси будут три месяца прохлаждаться в Америке! В итоге цирк, сценки, мимы, народные танцевальные ансамбли — и всё это «именем революции». Гаррис

трепыхался, ссылался на контракт, где прописаны были только «Песняры». Мол, иначе нет гарантий повторения прошлогоднего успеха. Но когда переговоры с Москвой окончательно зашли в тупик и навстречу американцу не пошли, импресарио отказался работать с «Эстрадой-77».

«ПРИЦЕП» ПОД ЗАПАХ ШАШЛЫКА

Красивых слов о Бродвее хватило не надолго. Сборов от советской «солянки» в театре Majestic — еле-еле, а русскоговорящая публика, которая составляла большинство зрителей, едва спасла на полмесяца работы при полупустых залах. А ведь уже на первой пресс-конференции по поводу «Эстрады-77» советских чиновников прямым текстом спрашивали, что за «прицеп» приехал в Нью-Йорк вместе с «Песнярами». Ещё корреспонденты никак не могли понять значение слова «эстрада» — в Америке такого явления нет. Ну а после просмотра журналисты (среди которых были и те, кто освещал первые гастролы) разгромили программу. Пощадили только несколько наших песен, а даже о суперпрофессионалах из «Орэры» писали что-то в духе «под грузинские песни в зале запахло шашлыком». Правда, поговаривали, что американские организаторы просто не заплатили прессе за хвалебные статьи. (Кстати, не удивился бы: по Нью-Йорку мы, зарубежные артисты, передвигались... на метро.) Тем не менее после первой волны негатива в рецензиях нашли американского режиссёра «подправить» шоу под местного зрителя. Когда провал стал очевидным, в порыве отчаяния нас даже попытались снова продать Сиду Гаррису. Он, правда, и сам подоспел «спасать гастролы», но выставил два условия: только «Песняры» и по цене значительно ниже. С ценой советская сторона со скрипом согласилась, но требовала взять в пристёжку ещё и ансамбль «Орэра». Само собой, ни нас, ни американца никто слушать не стал: самонадеянные советские чиновники до последнего делали всё, чтобы сорвать гастролы. Ну а мы расцеловались с Сидом Гаррисом (больше, кстати, уже не довелось его встретить) и пошли паковать чемоданы.

КАК НА КОНЦЕРТЕ «БИТЛОВ» В 1964-М...

Правда, успели попасть на бродвейское кавер-шоу «битлов». Повелись на рекламу, но не пожалели: это сказка, настоящая сказка! Может, только выступление Рика Уэйкмана в Каннах шло в сравнение с этим событием. Нас уверяли: здесь «четвёрку» «снимают» один к одному — считайте, что на концерте году в 1964-м оказались. И мы в самом деле вышли под огромным впечатлением: увидели не просто идеальную копию даже в мелочах (вроде левой руки, как

у Маккартни) — у ребят посыл шёл по-настоящему «битловский», как мы его понимали. Эту органику не заменишь ни игрой по нотам, ни отработанной до мелочей пластикой, ни беготнёй по сцене. (Интересно, что ещё на подходах к залу нас здорово «разогрел» подросток с гитарой, тоже игравший «битлов». «А что же будет в зале, если простой пацан так клёво поёт?» — думал тогда я.) В качестве бонуса для советских артистов нас пустили за кулисы — познакомиться с технологией шоу. Например, на дополнительные партитуры группы музыкантов (например, духовики) выезжали на отдельной фуре — посмотрели её конструкцию. Если о квадрозвуке мы имели представление, то полиэкран с «живым» задником видели второй раз на своей памяти. (Первый был на болгарском «Золотом Орфее» со спецэффектами вроде морских волн — местные телевизионщики только вернулись после стажировки в США; а в Союзе на «Песнях» хоть какие-то врезки применили только в конце 1970-х на «Песне года».) Ребята-артисты сказали, что работа в шоу — это два-три года «плотняка» по два выхода в день. Правда, когда приходит смена, программа-то не меняется. Я тогда подумал даже, что здорово быть «советскими The Beatles», но всё-таки оставаться «Песнярами». То есть раз в те же два-три года переключаться на другую тему. Кстати, когда в начале 1990-х ансамбль снова оказался в Нью-Йорке, я спросил об этом шоу. Оказалось, оно идёт по-прежнему, качество — тот же идеал, но ребята уже давно работают другие — не один состав сменился.

ТУХЛЯК ВМЕСТО «ВТОРЖЕНИЯ»

С какими ощущениями уезжали? Да тухляк полный! Хуже, наверное, только в Румынии было, особенно сразу после европейской Швейцарии в том же гастрольном турне контраст получился резким. Мало того что приём публики прохладный (вовсю возвеличивался Чаушеску, а он как раз с Союзом был на ножах), так ещё встречали и провожали нас на границе звероватого вида солдаты с «калашами» наперевес — как будто в концлагерь приехали. Только концерт для советского контингента получился, как дома. Конечно, в Америке спасал сам факт нахождения там. Это же мечта! Но в каждый следующий приезд за океан всё не отпускала мысль: а может, в 1977-м мы в самом деле профукали шанс на настоящее «русское вторжение на западном рок-фронте», как в газетах писали? Ведь и по телевидению успели помелькать, и в печати, записали несколько песен с американцами, наконец снова на три месяца приехали, да ещё и на Бродвей... Другое дело, что никто из американских менеджеров больше не хотел завязываться с «Песнярами» — уже наслушались о советских чиновниках. Ну а с годами вся сказочность поездок

в Америку вообще исчезла: мир открылся, заграники для нас теперь не приоритет, в редкие приезды ностальгировали по «местам боевой славы». Да и поляну настолько загадили ребята из Москвы, что ощущение «русского чуда» для американцев давно испарилось. Вот почему нам уделяли столько внимания в прессе? Потому что русские с электрогитарами — чудо для американского обывателя в 1976-м. Мол, где балалайки и ушанки? Теперь если уж едем, то как в 2007-м с Лёней Агутиным и другими артистами: на юбилее российского канала «НТВ» в зале Millenium на нью-йоркском Брайтон-Бич публика исключительно русскоязычная, даже горничные в гостинице из наших.

И всё-таки мне кажется, что «Песняры» не просуществовали бы так долго без американских гастролей. Бумажки никто не выдавал, но Штаты в послужном списке делали исполнителя непрекаемым авторитетом. До нас там показывали искусство Зыкиной, Плисецкой — и вдруг первые в своём поколении «Песняры». Тут и мощнейший импульс, и твёрдая почва под ногами на несколько лет вперёд. И такие подтверждения требовались постоянно: хотя бы завтра-послезавтра пустого Дворца спорта не будет. Это как в футболе, где тренер знает свою команду, каждого её члена и находит ту точку формы, когда выйдет наилучший результат. Правда не от нас и не от Мулявина-«тренера» зависело многое, но в 1976-м в этой точке «Песняры» уже находились, а вот парой лет до того, наверное, ещё нет. Впрочем, в плане поддержания вокальной формы и тогда, и двумя годами раньше или позже тоже не прогадали бы.

«КАК БЫ ЧЕГО НЕ ВЫШЛО...»

Но порой всерьёз задумаешься: а смогли бы мы своими силами переломить ситуацию в 1977-м, «дожать» чиновников? Ведь просили найти возможность оставить в США только наш ансамбль, чтобы восстановить авторитет советского искусства. Но при этом боялись, как бы за срыв гастролей не попало. Правда, о том же пеклись и госконцертницы. Уже в самолёте до Москвы пошли обещания найти интересную капиталистическую страну взамен Америки. В самом деле: а вдруг пожалуемся Машерову, скажем, на плохую организацию гастролей, срыв заграничных выступлений, который повредил репутации советской культуры... Так что в считанные месяцы нам предложили съездить вместе с Александрой Пахмутовой и Николаем Добронравовым на фестиваль политической песни в Финляндию. Мы реанимировали к нему бессмертную «Баладу аб камсамольскім білесе», но финны просили по несколько раз... «Вологду». Даже слова знали! Ещё запомнилось, что Хельсинки в центре напо-

минал Ленинград, только со скалами посреди улиц. Местные несколько раз таскали нас к зданию, где когда-то выступал Брежнев: почему-то им это казалось ого-го каким событием. Ну а в дороге Пахмутова и Добронравов всё советовали не злоупотреблять «беленькой». Почему разговор в этом русле потёк, не помню. Повидали они, наверное, падений известных артистов от зелёного змия. А у нас только-только, как Эдик Ханок пишет, новая волна пошла: «Белоруссия» и «Беловежская пуша»...

СВИДАНИЕ С ПУГАЧЁВОЙ

За границей мы частенько пересекались с советскими артистами. Скажем, Канны запомнились, в частности, совместным выступлением с Аллой Пугачёвой. Это была её вторая заграничка, и поставили Аллу в жёсткие рамки: нет своего состава, часть песен запретили исполнять. В общем, попросила «Песняров» подыграть. И на репетициях выжимала из нас по максимуму. Помню, как подходила к Володе Николаеву на репетициях (а они когда-то вместе работали в ансамбле «Новый электрон») со словами: «Тут надо так и так, Вова, это тебе не Липецк». А вот публичным признаниям Лёни Борткевича о служебном романе с Пугачёвой, да ещё и в Каннах, как-то не верится: Алла стояла на распутье между «Весёлыми ребятами» и сольной карьерой. Тогда уж и у меня было почти что свидание с ней! Перед перелётом в Канны артистов в парижском аэропорту имени Шарля де Голля встретил советский дипломат. Он предложил занять время ожидания экскурсией по Парижу. Отказались почти все, кроме Пугачёвой, Толи Гилевича и меня. Так что снимались у Эйфелевой башни только мы троём.

«У ВАС ГРАНДИОЗНАЯ ЖОПА!»

Во время фестиваля «Золотой Орфей» я стал свидетелем хохмы Савелия Крамарова, который отдыхал на Солнечном берегу. В конкурсе тогда первое место заняла чернокожая кубинка с одной выразительной частью тела — задней. Крамаров в окружении советских туристов подошёл к счастливой победительнице, отрекомендовался и сказал по-русски с большим апломбом: «У вас грандиозная жопа!» Вся толпа, понятно, покатила со смеху. К счастью, кубинка не владела русским языком, но по торжественно-восхищённому виду советского артиста поняла: он отвесил шикарный комплимент. Ну а пела она действительно здорово!

В польской Зелёной Гуре «Песняры» оказались в компании с дуэтом Аллы Йошпе и Стахана Рахимова (за глаза — Алла Оспа и Стакан Графинов). Так вот, выступавшая там же Марыля Родович и советская Алла оказались в одинаковых красных туфлях.

Такое совпадение, наверное, могло случиться только за границей! Мало того: точно такие же я купил жене во время этого выезда, потому весь концерт паялился на ноги Марыли — смотрел, как сидят. Кстати, напомнил Родович о тех концертах за кулисами «солянки» на «Славянском базаре»: она не забыла ни те фестивали, ни «Песняров». «А о туфлях я ничего не знала!» — отшутилась Марыля.

Ну а чаще всего с коллегами пересекались на посольских приёмах: если уж приглашали в загранку, то сразу большой группой. В Венгрии, к примеру, мы завершали свои гастроли таким концертом, а за столами — Арам Хачатурян, Светлана Светличная (почему-то прямо на коленях у грозного с виду и мощного телосложением армянского композитора), Валентин Никулин, Олег Табаков... На этом концерте после основной программы мы даже спели несколько вещей акапельно специально для Хачатуряна и по его же просьбе. Арама Ильича так захватило, к нашему удивлению, что он после каждой песни переспрашивал: «А ещё можете?.. А ещё?» Потом поинтересовался у Володи Мулявина, член ли он Союза композиторов. Когда Вова замаялся, Хачатурян пообещал связаться с Минском по этому вопросу. Но, видимо, забыл или не успел. Или антимулявинские доводы в белорусском союзе оказались слишком сильными. В итоге вступил он в эту организацию лет через десять, в середине 1980-х.

В Польше запретили «Хатынь»

Отмашку на спецномера давали, как правило, перед самыми гастролями. Толе Кашепарову к выезду в Чехословакию (его первая загранка) костюм ещё с чужого плеча, нет своего репертуара в ансамбле, а он уже солировал в «Надписи на двери» чешского певца Иржи Громадки. Фирма «Мелодия» тогда готовила пластинку чеха, а он как раз записал с оркестром Пражского радио «Александрыну» и «А ў полі вярба». Это было так клёво: вроде только стартанули, а наши песни поют за рубежом! Прямо «с колёс», чуть ли не в гостинице, сделали «матрёшку» из песни Чеслава Немена «Spszedaj mnie wiatrowi» к фестивалю в польской Зелёной Гуре. Только вот, к сожалению, тональность для бедного Кашепарова зарядили слишком высокую. Но Толя справился — публика и не заметила. А ещё в первый выезд за рубеж (тоже в Польшу), как обухом по голове: воздержитесь от песни «Хатынь» на концертах. Советские дипломаты, конечно, ничего толком не объясняли, и мы терялись в догадках. В Союзе иногда говорили: «Без “Хатыни” — не выходите на сцену!», прошла песня и через конкурс в Москве, а тема-то какая! Это намного позже уяснили: посольские опасались, что из-за созвучия названий «Хатынь» и «Катынь» поляки нас не так поймут...

СОВЕТСКИЙ Bee Gees

А вот когда в 1985-м «Песняры» собирались в Индию, нам настойчиво советовали сделать номер в подарок. В ансамбле — переполох: современная музыка у индусов не котируется, традиционная подчинена религии и строгим канонам. Да и кто из нас хоть два слова на хинди знает, кроме «пхай-пхай» из анекдота? А впереди три недели гастролей, семь больших городов, стадионы... Но нас успокоили: будете играть для интеллигентной публики, потому подойдёт известная вещь на английском. Так что Валера Дайнеко спел «Let It Be», остальные подвывали в припеве по незнанию языка. (В Институте культуры у меня твёрдое «четыре» по английскому — из уважения к возрасту и званию заслуженного артиста БССР, а у Дайнеко — безоговорочная пятёрка.) И всё прошло на ура: на эмоции индусы скупые, но славянское многоголосие для них — экзотика, тем более от советской группы. Нас в местных газетах после этих выступлений (кстати, на кассу) сравнивали с Bee Gees, которые только-только выступили в Бомбее: «И русские так могут! Откуда такая музыка за “железным занавесом”?» А «Let It Be» не зря сделали — до двадцатилетия ансамбля дожила в репертуаре. Да и с «битлами» снова соприкоснуться было приятно.

УГАДАЛИ ЖЕЛАНИЕ МАШЕРОВА

Конечно, Белорусскому ЦК компартии, дипломатам, Министерству культуры не откажешь в их просьбах. Скажем, в середине 1970-х Пётр Машеров возглавлял советскую делегацию в Берлине. Среди зрителей культурной программы ожидалась руководитель ГДР Эрик Хонеккер и чилийский коммунист Луис Корвалан. В культурной программе — «Песняры». Перед самым концертом Пётр Миронович сказал нам: «Учить петь я вас не стану, главное, чтобы нам не было стыдно перед друзьями!» (А в Германии не исполнить песню на немецком — всё равно что обидеть: главное — не перепутать репертуар для ГДР и для ФРГ.) Выручила не раз опробованная на восточных немцах «Дружба — Freundschaft». Видимо, на неё Машеров и намекал. Считаю, личную просьбу выполнили. Пусть и маленький, но плюсик. И со временем я для себя усвоил: даже мало-мальские связи во власти всегда идут в плюс творческому коллективу.

«Я ЖЕ СКАЗАЛ: “ПЕС-НЯ-РЫ!”»

Кстати, история в тему. Когда Пётр Миронович Машеров возглавлял то ли всесоюзную, то ли республиканскую делегацию в Берлине, для культурной программы он уже на месте решил вызвать «Песняров». Но пока дозванивались до Минска и передавали

распоряжение шефа, почему-то у чиновников возникло название «Верасы». Их и отправили. Узнав о такой «самодеятельности», Машеров, как нам рассказывали, лично набрал Минск из советского посольства и сквозь зубы процедил министру культуры БССР Юрию Михневичу: «Я же сказал: “Пес-ня-ры”! Срочно привезти их в Берлин!» (По идее, министр после такой оплошности вполне мог распрощаться со своим портфелем, но его жена была в родстве с женой всемогущего заведующего отделом культуры ЦК КПСС Василия Шауро — и этим всё сказано.)

ЗАГРАНПАСПОРТА ЗА НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ

Собственно, мы обо всех этих событиях узнали как раз в Берлине от наших дипломатов. А в Минске, как говорится, ничто не предвещало беды. «Песняры» сидели на своей точке во Дворце культуры автозавода, ковыряли материал, как вдруг посреди репетиции приезжают ребята в строгих костюмах и велят заполнять анкеты на выезд за рубеж. За несколько часов всем сделали загранпаспорта, к московскому поезду прицепили вагон — и на завтра мы в Берлине. Признаться, прежде с нами такого не случалось. Да и после всего однажды внезапно потребовались властям предержащим. Помню, как нас специально отозвали из отпуска году в 1982-м ради праздника города в Пятигорске. Дело в том, что среди зрителей был будущий генсек Юрий Андропов — он лечил на Минеральных Водах больные почки.

Но вернусь к Берлину. После концерта, уже на приёме в советском посольстве, он поблагодарил нас, а ещё извинялся: мол, оторвали от работы ради одного концерта. Всё это — перед носом у советского посла Петра Абрасимова, белоруса, который только что отчитал «Песняров» за неопрятный якобы внешний вид. К тому же, по его мнению, нас там слишком много «толпилось». И тут же на контрасте появляется Машеров, который буквально отодвигает посла плечом (они, кстати, оба партизанили в Великую Отечественную) и начинает общаться с длинноволосыми, усатыми музыкантами в клёшах нормальным человеческим языком. Мало того, Пётр Миронович предложил остаться и поработать по советским гарнизонам в ГДР. Мы для видимости поломались, но глаза загорелись. Так что Машеров одним звонком командующему обеспечил нас дней на десять отличной работой.

«Ну что, на базу?»

Это была настоящая везуха! Ведь москвичи нас долго не пускали к контингенту советских войск в соцстранах. Стабильно «зарядиться» удалось только в 1980-х. Но уже с первой поездки стало ясно, почему артисты так любят «военные» гастроли. Первым делом по приезде

«Песняры» в советской группе войск в ГДР. Май 1978 года, Олимпшесдорф. Воплощаем задания XXV съезда партии в жизнь!

предлагали: «Ну что, на базу?» В Союзе пусто, а там изобилие качественных западных вещей за копейки, ковры, хрусталь — весь советский дефицит. (У меня первая жена — большая любительница ковров и хрусталя, так что их я и искал в первую очередь.) Да ещё без очередей: выбирай — не хочу! Ещё плюс — ты среди своих: у людей ностальгия — значит, дай им «Вологду».

НАШИ ТАНКИ: КТО ОГЛОХ, КТО ОБДЕЛАЛСЯ

Хватало и чисто мужских забав. Однажды в ГДР предложили пострелять из танкового орудия. Шурик Демешко вернулся с полигона счастливый, как ребёнок: «Только уши заложило». «Так ты же играть не сможешь», — бросил кто-то, но доблестный ударник только послал его на три буквы. Однако через пару часов, когда вышли на сцену, поняли: Шурик только изображает игру. Оглянулись, а он полубоком к барабанной установке сидит и пытается расслышать нашу игру. И на уши показывает: «Ни хрена не слышу!» Так и досидел до очередного банкета.

А после другой тёплой встречи у военных в той же Германии нам предложили посмотреть на секретные танки с вертолётными турбореактивными двигателями. Под пьяное обещание держать вылазку в секрете «Песняров» привели на платформу, куда новые машины

доставили с учений. И мы чуть не обделались, когда эти «летучие» танки пошли прямо на нас рывками! Нам рассказывали, что мчатся они до тех пор, пока выдерживает трансмиссия. И вот хоть убей, а не помню, говорил я кому об этих танках или нет. Но теперь модель уже вроде как и не экспериментальная: что-то подобное видел в интернете...

«БЕСПРИЗОРНИКИ» В БЕРЛИНЕ

До перестройки «Песняры» всего однажды (и неожиданно) остались «без присмотра». В феврале-марте 1974-го мы оказались на промышленной выставке БССР в капиталистической ФРГ, а перед этим побывали в турне по ГДР. Оттуда и отправились в загадочный оплот капитализма. «Первая остановка — Западный Берлин», — погрозили пальчиком наши гэдээровские друзья на всякий случай. А там и перрон вокзала в западногерманском Дюссельдорфе — цель нашей поездки. Но только в поезде выяснилось, что все администраторы и «администраторы» убыли в Москву. Можно было бы и прогуляться по Западному Берлину, но, конечно, не рискнули. Выходит, работники советского посольства понадеялись на нашу сознательность, и мы доверие оправдали. Правда, когда въезжали в Западный Берлин, как один прильнули к окнам, но из купе так и не высунулись от греха подальше. А потом на территории ФРГ к нам влетел какой-то немец, на повышенных тонах почему-то требовал показать билеты. Едва выпроводили его, закрылись все в одном из купе: мало ли, провокация — мы ведь после инструктажа были готовы ко всему! Но сотрудники посольства СССР в ГДР, конечно, были шокированы: такую большую группу никто не сопровождал в капиталистической стране вопреки всем возможным инструкциям! Раз пять пересчитывали по головам — все в наличии.

ЗА ХЛЕБОМ — ТОЛЬКО ВДВОЁМ

Конечно, в загранках нас не держали взаперти. Если собираешься выйти вечером — сначала в номер сопровождающего отпрашиваться. В соседний магазин за хлебом или пройтись по городу — пожалуйста, нет проблем. Лишь бы не в одиночку — вот это строго запрещалось: мол, преступность высокая. Иногда и сам куратор-«администратор» присоединялся, ненавязчиво, за компанию. Правда, в тех же Штатах особо не разгуляешься: городки там маленькие, через сотню метров от отеля — частная застройка. А перемещаются американцы даже из дома в супермаркет в основном на машинах. Если по обочине бредёт человек, то это бедный эмигрант, чернокожий работяга или мы, советские артисты, круги нарезаем. Другое

дело, что и времени для прогулок особо не было. В Америке, например, всё шло так плотно, что, кроме ночёвок и концертов, всё время мы провели, считай, в салоне автобуса. Приехали — и сразу приём и выступление в посольстве. Из туристической части — только ускоренная экскурсия по Вашингтону: вот Капитолийский холм, вот Белый дом, отсюда виден купол — делайте фото. Запомнилась столица Америки ещё и множеством темнокожих: мы-то их ожидали увидеть на передовой борьбы за свои права, а не в парке у Белого дома, на лужайке с бутылкой кока-колы. Кстати, мы попали в США в разгар очередного нефтяного кризиса, когда все экономили бензин. Наш автобус, казалось, еле-еле тянулся по шоссе. Так что была возможность поглазеть.

А вдруг не выпустят?

Но сознательности «Песнярам» уж точно было не занимать: нас же родной райком партии (через дорогу от филармонии) не только стричься гонял. Меня от проверок перед выездами не покидало ощущение, что хожу туда, как на Красную площадь. Вроде и просто формальность неприятная, ну а вдруг прицепятся, не выпустят? Хотя спрашивали каждый раз примерно одно и то же: сколько орденов у комсомола да сколько лет партии. Лично мне помогла армейская подготовка: за восемь лет успел нахвататься этих «полезных» знаний. Как-то по-особенному «накачивали» нас разве что перед первой американской командировкой. Но все знали секрет прохождения от «бывалых революционеров»: оденься поскромнее, причешись аккуратнее — считай, расположил к себе комиссию. Расставались с «экзаменаторами» по-разному: с кем-то — друзьями, с кем-то — просто мирно. Но по большому счёту у этих пенсионеров какая была задача? Поговорить. Они ведь никакой ответственности не несли, в отличие от сопровождавших группу. Беседы же велись и с каждым по отдельности, и со всеми вместе. Ещё в такие периоды вокруг нас резко возрастало число стукачей. Вот правда: не успели из Госконцерта позвонить и подтвердить, на какие дни у нас выпадает загранка, как в филармонии, на репетициях замелькали какие-то тёмные личности. Да и просто на улице, казалось, за тобой следят — это уже паранойя, наверное.

Кому самоограничиваться БОЛЬШЕ ВСЕХ?

Не удивительно, что с началом наших активных выездов за границу начальникам пришло в голову создать в ансамбле партийную ячейку. Для наших райкомовских «контролёров» (а также деятелей поменьше и, наоборот, куда более высоких чинов) было бы куда спокойнее с её появлением. Вопрос неоднократно поднимали

перед Володей Мулявиным, даже Машеров, с которым ему доводилось пересекаться по разным поводам чаще, чем остальным музыкантам, не раз с ним об этом говорил. А что такое партия? Это и способ контролировать, и возможность сделать нас управляемыми. Принципы там армейские: порядок, дисциплина, командование... А ещё водка да б***и — вернее, их ограничение в жизни партийного человека. Мы ведь как раз по этому вопросу были уязвимыми, как и все артисты, наверное. Но к нам никакого наказания не применишь, кроме профилактических бесед (а пили мы регулярно и много, но не выходили за рамки). То ли дело человек партийный, читай: подчинённый! И вроде бы все идею вяло поддерживали, но выбрать тех, кто будет самоограничиваться больше всех, никак не выходило.

ЗАД ПОМЕШАЛ, А ТРАНСФОРМАТОР НАЕХАЛ

Правда, для начала руководству филармонии было достаточно, чтобы директором у нас был член партии. А в тот период директорствовал у нас Лёня Знак, парень замечательный, но не раз попадавший в сомнительные истории. Я уже рассказывал, как ему повезло с неработавшей трубкой у гаишников возле самого белорусского КГБ. Выкрутился он и в Брянске, когда здорово выпил после подписания бумаг ансамбля и въехал на своей машине в гужевую повозку: еле-еле отбил от милиции — всё ссылаясь на лошадиный зад, который его отвлек. Когда весь ансамбль ждал Лёню в санатории «Юность» на Минском море встречать Новый год, как раз 31 декабря, в его жигулёнок посреди Минска на полной скорости врезался отцепившийся от впереди идущей машины трансформатор. Перед Лёниной легковушки снесло подчистую! Хотя ни друзья-коллеги, ни рабочие сервиса на «АвтоВАЗе» не особо поверили в историю с трансформатором: «Да ты ездить не умеешь!» Правда, в другой раз свидетелем того, как навстречу его машине по обледеневшей брестской трассе летел грузовик, был Шурик Демешко. Очумевший ото всех автомобильных неприятностей директор закрыл собой «Жигули» с криком: «Не дам!» И не дал, кстати! Даже удивительно, что в итоге Лёня вылетел из ансамбля не из-за очередного автомобильного ЧП, а после истории с двойной выплатой суточных. Так и не стал он нашим партийным лидером. Сменил его управделами из Академии наук. Конечно, в «Песняры» он шёл на серьёзное понижение: управления делами были только в ЦК партии и в академии. Хотя там он пострадал по собственной глупости — снялся в фотоателье в пиджаке с планками трижды Героя Социалистического Труда, а потом козырял этими карточками. Вместо того, чтобы доставить забытый настоящим

трижды героем пиджачок по адресу. Но и в «Песнях» этот директор, пусть и партийный, не задержался — Мулявин его выгнал: соответствовал бывший управделами коллективу только в плане выпить-закусить.

СПАСИБО ВОВИНОМУ РАЗВОДУ!

А потом стали нажимать посерьёзнее: мол, создавайте партийную ячейку! Главный партийный организатор филармонии тогда каждый день — а длилось это месяцами — появлялся на пороге нашей комнаты с одним вопросом: «Ну что, нашли три фамилии?» Чтобы ячейка появилась, нужны были трое: во главе обязательно Мулявин, а остальные — кто угодно: хоть артист, хоть рабочий. Особенно нажимали (в том числе и сам Володя) на меня с Лёней Тышко: и работаем давно, и с точки зрения бумаг чисты — ни разводов, как у самого Мулявина или Шурика Демешко, ни приводов. Но мы не хотели, а давить было нечем. Отвечали одно: «Не доросли... Не достойны...» А там и Володя опять развёлся. Всё, тут теперь и он окончательно отпадал. И парторга по этому вопросу мы больше не видели. Спасибо Вовиному разводу!

«ХРЕН ТЕБЕ ВМЕСТО ПАРТИИ!»

Кстати, в партию меня тянули ещё во время службы в армии. Стимул был в виде дополнительного рубля, который платили старшим музыкантам, которых, считай, приравнивали к ефрейторам. Но чтобы ступить на эту стезю, получать звания, надо было хотя бы изъявить желание вступить в партию, а вот его-то у меня и не было. Отмазки были универсальные — те же, что и во времена «Песняров» проходили: «Не дорос... Не достоин...» Помню, один сослуживец-одногодок решил, что уже дорос и подал заявление на вступление. Рекомендацию ему должна была дать комсомольская организация. Но мы договорились, и, ко всеобщему удивлению, этой бумаги ему не выдали: «Хрен тебе вместо партии!» И как ни прессовал нас майор Майзлер, а мы насобирали его недостатки и держались своего мнения. Так что в тот год сослуживца в партию не приняли. Хотя он нормальный парень, хороший музыкант, но стремление выделиться нам не понравилось. Но на следующий год комсомольской ячейке хвост прижали, и уже второй раз подряд мы не смогли ему отказать. Вот так чувак и дорвался до заветного партбилета!

«О, «ПЕСНЯРЫ»!» И БЕЗ «СТУК-СТУК»

Когда началась горбачёвская перестройка, с этими аттестациями стало попроще, а потом и вовсе как отрезало. Впервые ансамбль

выехал на гастроли без «надзирателя» в Африку. А уж когда оказались в США без сопровождения, не знали, что и делать со свалившейся вдруг свободой. Конечно, чувствовали себя в тысячу раз лучше, хотя к тому времени самоцензура срабатывала уже на автомате (да и подозревали, что переводчица-москвичка всё-таки «стук-стук»...) Зато не шарахались, когда в Нью-Йорке нас узнавали на улицах. «О, «Песняры»!» — бывало, восклицали изумлённые прохожие, видимо недавние соотечественники. Мы же в тот приезд в Америку смотрели, раскрыв рты, на первые мобильные телефоны размером с кирпич.

«Чувиха, отвали!..»

А Валентин Бадьяров перед какой-то из первых загранок «проверочку» не прошёл. Причём облом с ним приключился серьёзный, едва всю карьеру не разрушил. Да и хипповал Бэдя по-страшному. Всегда в джинсе, а к окружающим — только «чувак» да «чувиха». И вот после встречи с «братьями по разуму» на какой-то «хате», музыкант заваливается в троллейбус и катит в филармонию. За пару остановок народу набился полный салон. И тут какая-то полная женщина говорит ему, мол, молодой человек, уступите место даме. А он ей коронное: «Чувиха, отвали!..» Обо всём этом, конечно, никто никогда не узнал бы, но спустя буквально час в филармонию явилась сотрудница Министерства культуры побеседовать с нами относительно благонадёжности каждого перед выездом за границу. Вызывали тогда в кабинет по одному. Так вот, стоим в коридоре, как вдруг Бадьяров пулей вылетает из кабинета с огромными шарами. Оказалось, что проверяющая — его недавняя «чувиха» из троллейбуса. Вова Мулявин, с одной стороны, давился смехом, когда рассказывал нам эту историю, а с другой, не знал, что с Валиком делать. Конечно, ни в какую загранку его не пустили, да и в ансамбле задержался он ненадолго по разным причинам (правда, возвращался к нам).

Поп-группа на рок-фронте

Конечно, заслуги «Песняров» со временем работали на нас. Да, непартийные. Но как не доверять тем, о ком пишут в капиталистической печати как о «русском вторжении на западном рок-фронте» и кого Америка приветствовала стоя? Правда, «Песняров» в Союзе никогда не относили ни к рок-музыке, ни хотя бы к фолк-року — нас квалифицировали как «вокально-инструментальный ансамбль», даже не как группу. А сколько у нас элементов рока, фолка или джаза, никто не высчитывал. (Даже когда «Песняры», казалось бы, выделялись с прокатом крупных форм, что было полным контрастом

не только ко всей советской сцене, но и к репертуару нашего собственного второго отделения.) И филармония на афишах централизованно писала то, что считалось по официальным документам правильным: ВИА. Не скажу, что подобные формальности были для нас особо значимы, ведь, по моему сегодняшнему разумению, мы играли и играем поп-музыку, эстраду. Хотя тогда наверняка хотелось называться покруче. А коль скоро слово «рок-группа» впервые всерьёз прозвучало в отношении «Песняров», да ещё именно во время американской поездки, мы стали собирать все газетные вырезки о нас. Мол, при случае утрём нос заикленным на штампах чиновникам. Только случая-то и не представилось.

Охраняли Вилли Брандта

И ещё о доверии. Именно в ту поездку в ФРГ мы впервые увидели, как молодёжь с плакатами «ошетибилась» против руководства своей страны — канцлера Вилли Брандта. Ну, всякое может быть, меряли мы советской меркой, но почему полиция не торопилась вмешиваться? Мало того, после одного из концертов в выставочном павильоне БССР нас попросили задержаться. Оказалось, спецслужбы к такому количеству демонстрантов не были готовы, потому участников выставки попросили стать «в строй» к прибытию канцлера. И вот «Песняры» в первом кольце охраны Брандта, прямо возле него, защищали немца от немцев! Симпатичный, улыбчивый, несколько растерянный в этой ситуации, так и прошёл канцлер в компании артистов ансамбля и прочих телохранителей через толпу до входа в павильон. Получается, я видел знаменитого политика на расстоянии вытянутой руки! По сегодняшним меркам точно воспользовался бы случаем и сделал селфи на смартфон. А без него... Ну кто поверит, коль нет доказательств?

Мы помогли Картеру стать президентом США

Кстати, перед крупными политическими фигурами «Песнярам» и «Белорусским песнярам» доводилось выступать не однажды — и в тысячных залах, и на закрытых приёмах. Вот только перед американским президентом ни разу не удалось — и видимо, уже не светит. Правда, во время американского тура 1976-го едва не оказался в числе наших зрителей тогда ещё кандидат, губернатор Джорджии Джимми Картер, но что-то у него сорвалось. Кто знает, может, благодаря этому он и выиграл на выборах. Ещё неизвестно, как его противник использовал бы это посещение концерта советских артистов: только на словах все за тёплые отношения и мир во всём мире, а голоса избирателей — это врозь...

МЫ кричали: «СЛАВА!..», а Папанов: «Ну, погоди!»

То ли дело братская Болгария! Тут политика была ясная. Однажды мы оказались в этой прекрасной стране в «святой» день 7 ноября. Небольшой городок, демонстрация, а нас поставили как представителей великого советского народа на трибуну. Как и на любой приличной демонстрации, требовалось выкрикивать какие-то лозунги в поддержку темы собрания. К тому же, говорили нам, болгары понимают по-русски. Ну, мы и кричали: «Да здравствует!..», «Слава!..», «Привет дорогим братьям-болгарам от советских братьев!» В общем, всё вышло довольно спокойно — по сценарию, как говорится. А потом московский администратор, который нас сопровождал, рассказал, как народный артист СССР Анатолий Папанов удивил болгаров. Находясь в благостном расположении духа, на очередной демонстрации, куда его, как и нас с Мулявиным, пригласили прокричать что-нибудь воодушевляющее, он разразился знаменитым волчьим рыком: «Ну, заяц... погоди!» Народ на площади сначала опешил от интонации оратора, а когда стало ясно, что не очень-то расслышали гостя, жиденько поприветствовали лозунг.

Рискнул суточными

Ещё правило — держи себя подобающе советскому гражданину и артисту. В Америке как раз и почувствовали, что товарищ в штатском заглядывает тебе в рот постоянно: сколько съел, чего выпил, с кем бываешь. На экскурсии по дому миллионера наша группа, наверное, замучила чернокожего бармена своими подходами за «дринками». А в вазе для салата оставили, наверное, слишком много печенья, которым эту закуску зачерпывали: всё побольше хотелось словить за раз! Так что попробуй тут злоупотреби запретными плодами! Но, скажем, в азартных играх «песняры» никогда замечены и не были. Только однажды в Финляндии, пусть разрешения никто не давал, обменяли деньги на фишки, спрятали их от наших «контролёров» и рванули в казино в самой гостинице. Не помню, как другие, а я рискнул суточными (долларов десять, наверное) и выиграл в рулетку втрое больше. Но зная, что новичкам везёт, больше не рисковал. А в Швейцарии наш звукорежиссёр Коля Пучинский случайно освоил игровые автоматы. В холле гостиницы он для интереса бросил в щель пять копеек — и выиграл. Потом повторил с оставшимися пятакими — успешно. Тогда Коля настрелял монет у всей делегации. А «раскололся» ведь только на вокзале: там в автомате пять копеек тоже сыграли! Кстати, советские пятакки кое-где и в качестве жетонов для международных телефонных автоматов проходили...